

Этические проблемы современной российской науки

Г. И. Абелев

ГАРРИ ИЗРАЙЛЕВИЧ АБЕЛЕВ — доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, действительный член РАЕН, заведующий лабораторией Онкологического научного центра им. Н. Н. Блохина РАМН и заведующий лабораторией МГУ им. М. В. Ломоносова. Область научных интересов: иммунология, онкология.

*115478 Москва, Каширское шоссе 24, ОНЦ РАМН, тел. (095) 323-59-10,
E-mail abelev@mx.iki.rssi.ru*

Социальное поведение регулируется правом и этикой. Право определяет однозначные общественные отношения, в то время как этика служит вектором поведения в неоднозначных, противоречивых ситуациях, не определяемых законом, — там, где пересекаются разные интересы, мотивы и системы ценностей.

Ситуация, в которой мы сегодня живем, в высшей степени неоднозначна. Отечественная наука оказалась на грани существования. Отсутствие ее базового финансирования при сохранении системы обучения и профессиональной подготовки, при ненасыщенных потребностях в специалистах в развитых и развивающихся странах открытых государственных границах создали уникальное положение. Наша страна стала готовить и снабжать другие страны молодыми и зрелыми научными кадрами, обескровливая собственную науку и образование. Она столкнулась с совершенно новыми для нее проблемами, требующими нестандартных решений на всех уровнях — государственном, научного сообщества и индивидуальном. Общественное мнение — важнейший «орган» этики — раскололось на несовместимые осколки. Этика перестала цементировать нашу науку [1]. Престиж науки в обществе упал настолько, что сложился взгляд на ученого как на «нищего бездельника» [2]. Возвышенно-романтическому образу ученого посвящаются некрологи [3]. Необходимость фундаментальной науки, если и отстаивается в глазах широкой или элитарной публики, то только в качестве основы для решения прикладных задач — военных, потребительских или медицинских.

Решать «как быть» предстоит каждому ученому или исследовательской группе самостоятельно, согласно своему разуму, совести, ситуации и пониманию смысла собственной деятельности.

Идти в отечественную науку или работать в ней стало едва ли не гражданским подвигом. Морально-этический аспект приобрел крайне важное значение в жизни научных коллективов и индивидуальных ученых.

В современном положении наука и научное сообщество стали областью, где пересекаются несовместимые системы ценностей, определяющие столь же различные морально-этические позиции.

В данной статье рассмотрен морально-этический аспект двух кардинальных проблем нашей современной науки: оттока научной молодежи (и вообще ученых) и политики экспертных советов, определяющих, как и кого поддерживать сегодня в науке. В обоих случаях ситуации неоднозначны, а системы ценностей их участников различны до полной противоположности.

Отток молодежи из российской науки

Это — едва ли не критическая проблема для существования нашей науки. Талантливая, превосходно подготовленная молодежь, полная желания работать в науке, из отечественной науки уходит — за границу либо в бизнес. Образовался разрыв между старшим поколением и совсем молодыми — студентами или аспирантами — среднее звено резко ослаблено, так что возникла реальная угроза распада российского научного сообщества.

Чем определяется в этой ситуации этическая позиция ученого — старшего, среднего или молодого поколения, где *правда* — в традиционном российском смысле слова? А она не одна.

Одна правда в том, что высшая ценность человека науки (да и творческой профессии вообще) состоит в возможно более полной реализации своей индивидуальности. Это означает собствен-

ный выбор целей и путей исследования, возможность следовать своим склонностям и идти по выбранному пути. Такая самореализация предполагает и обеспеченность исследовательских работ, позволяющая реализовать свой потенциал, и высокий уровень жизни, дающий возможность целиком посвятить себя исследованию, равно как и отсутствие ограничений, в том числе дискриминационных, а также возможность влиять на научный процесс и быть услышанным.

Другое важное обстоятельство состоит в том, что отдельные отрасли науки развиваются неравномерно, периодами, имеющими начало и конец. Эпоха великих географических открытий закончилась — карта земной поверхности построена, добавить к ней ничего нельзя. Описан и систематизирован животный и растительный миры — найти неизвестную мошку или травку — редкая удача. Проблемы в биологии переместились в экспериментальные науки, но и в них большие области начинаются и заканчиваются в пределах одного научного поколения. Например, природа гена, структура белка, природа антител, принципы иммуногенеза и ряд других областей экспериментальной биологии были изучены в основном за 30—35 лет. Конкретный же ученый специализируется в одной, редко в двух областях, и он естественно стремится туда, где эта область максимально разрабатывается в настоящее время — в своей стране или за ее пределами. Этому способствует и международный характер науки, которая развивается как единое мировое целое и питается импульсами, получаемыми от ученых всех стран. Точно так же, научные результаты доступны в равной мере всем странам, которые могут их воспринять, независимо от их вклада в мировую науку.

Значительно более высокий уровень жизни научного работника и более благоприятные условия для самой работы при живом, разнообразном и активном научном сообществе определяют сегодня отток молодежи за границу, главным образом в США и Германию, где «емкость» науки постоянно возрастает. Система образования и профессиональной подготовки у нас в значительной мере работает на обеспечение западной науки сильной, конкурентоспособной молодежью. Публикации в международных научных журналах богаты российскими именами людей, подготовленных в России и работающих сейчас на Западе. И в этом, пожалуй, позитивная сторона нашей научной жизни.

Другая правда состоит в том, что отток специалистов за границу обескровливает наше научное сообщество и лишает его притока во все возрастные уровни: в молодую, среднюю и старшую генерации. В лабораториях сегодня очень мало научной молодежи, исчезающе мало сотрудников среднего возраста, нет «подпора» старшему поколению. Растет опасность угасания научных школ и перехода процесса обучения (в

широком смысле слова, включая и научное становление молодежи) на эпигонские рельсы.

Однако роль российского сообщества в мировой науке не измеряется его численностью или финансированием. Примат фундаментальности и поиска, уважение к собственным путям в науке, к своеобразию личности, отношение к исследовательскому роду занятий как к научной профессии и опора на научные школы — все это придает нашей науке незаменимую индивидуальность и ценность. В обучении главную роль играют преподаватели, сами работающие в науке, — знания идут из первых рук, от профессионалов, живущих в мире науки.

К безусловным нравственным ценностям научной жизни относится стабильность позиции исследователя. Достижению наиболее важных научных результатов зачастую сопутствуют риск, многочисленные тупиковые проблемы и ошибки, длительные бесплодные периоды. Стабильная позиция необходима для успеха исследования. Она позволяет ученому сосредоточиться, уйти в себя, устранить от гонки и конкуренции, понять причины неудач и преодолеть их [4]. Это качество способствует также «выходу на свои гены» — поиску своего стиля, формированию своего вкуса и интереса, т. е. становлению личности исследователя.

Стабильность, необходимая для становления ученого и обеспечивающая успех поиска, является характерной особенностью позиции научного работника в нашей науке. Она закреплена законодательно и опирается на традиционно сложившийся порядок.

Традиционные черты нашего научного сообщества резко обострились с началом перестройки и с переходом к «открытому» обществу. Отток среднего поколения за границу и в сферу бизнеса при снижающемся уровне государственной поддержки науки сделал каждого остающегося в стране ученого персонально востребованным, даже уникальным, абсолютно необходимым для продолжения работы, для обучения молодежи, для получения российских и международных грантов. Более полно и значимо стала проявляться индивидуальность научного сотрудника. Поступки каждого, а в новой обстановке они были заведомо нестандартными, стали важными событиями, дающими примеры решений в сложной, неоднозначной и беспрецедентной ситуации. И такая «персонализация» членов научного сообщества произошла не за счет его обеднения активными учеными, а благодаря быстрому оттоку и прекращению притока людей случайных для науки, привлеченных в нее ранее престижным и привилегированным социальным и материальным статусом. Снизился «шумовой фон» и каждый голос зазвучал по-своему.

Уход молодого ученого из научного сообщества в создавшейся обстановке чаще всего или даже, как правило, означает смену его позиции на

существенно более зависимую, на встраивание его в уже сложившуюся, весьма жесткую и однозначную структуру, где вновь прибывшему отводится четко определенная роль и где в первую очередь требуются профессиональные качества, работоспособность и исполнительность, т. е. способность справиться со своей ролью в рамках заранее поставленной задачи. Впрочем, для очень многих это оказалось условием, которого им как раз и не хватало дома, и вместе с необходимостью работать на пределе возможностей дало положительный эффект.

Таким образом, мы определили две противоположных системы ценностей, влияющих на решения молодых исследователей — ориентироваться ли им на отъезд или на работу в своей стране.

Третья позиция исходит из глобальных интересов мировой науки, а не отдельных ученых. Одна из главных ценностей мировой науки — ее разнообразие, определяемое различием сложившихся школ, традиций, национальных характеров и стилей, особенностями образования и спецификой проблем в своих странах. Международное научное сообщество серьезно заботится о развитии науки в разных странах и поддержании разнообразия мировой науки. Когда, в начале 90-ых годов, возникла угроза распада российской науки, сразу же стали образовываться международные научные фонды, деятельность которых направлена не на содействие эмиграции ученых из России, а на поддержку науки в России и в бывших советских республиках. Главную роль в этом сыграл фонд Дж. Сороса, впоследствии — Международный научный фонд. Он вошел в нашу науку вначале для оказания экстренной помощи, а затем организовал систематическую поддержку науки бывшего СССР. За десятилетие своей работы фонд Сороса не только способствовал сохранению и развитию здоровых сил в нашей науке, но и создал эффективную международную грантовую систему в нашей науке и инфраструктуру, ее обслуживающую. Вслед за фондом Сороса наука СНГ была «подключена» к фондам Howard Hughes, INTAS, Fogarty и к другим международным фондам [5]. Все они призваны к сохранению и развитию российской науки, переводу ее на грантовую систему и интеграции в мировую науку. Это способствовало созданию Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) с его конкурсной системой и ряда аналогичных фондов по отдельным отраслям науки (Национальные приоритеты в генетике, в онкологии и др., Интеграции науки и высшей школы, Ведущих научных школ и ряда других фондов). Организация всех этих фондов — и международных и российских — направлена на поддержку индивидуальных ученых и исследовательских групп внутри страны, на сохранение и выживание отечественной науки, на перевод ее на новую, более продуктивную основу.

Создание этих фондов диктовалось ясным пониманием необходимости сохранения и развития разнообразия научного мира в глобальном масштабе, так же как это наблюдается в разнообразии культур, языков и народов на планете.

Очевидно, что сохранение интеллектуального богатства международного научного сообщества относится к высшим ценностям мировой науки, но никто не может требовать или даже ожидать, что индивидуальный ученый будет жертвовать своей научной судьбой для этой цели. Это забота государств или крупных международных фондов. На индивидуальном уровне можно лишь сожалеть о локальных потерях и помогать тем, кто в силу обстоятельств или собственных склонностей продолжает работать в отечественной науке.

Таковы силы и ценностные системы, определяющие этические позиции в нашей современной науке.

Среди уезжающих и уже уехавших имеются разные люди. Одни, желающие любой ценой «зацепиться», объясняют себе и окружающим, что в России нет и не может быть ни жизни, ни науки, что остаются в ней лишь те, кто не может устроиться на Западе по тем или иным причинам (возраст, ограничения в связи со специальностью или способностями) и что свою страну надо скорее и полнее забыть. Едут в демократический период и благодаря ему. Едут, получив хорошее и даже отличное образование, причем бесплатное. Стараясь забыть и тех, кто его давал и тех, кто его оплачивал.

Самое печальное, что такая психология остроинфекционна. Она создает шкалу ценностей, по которой меряют себя и люди, не рвущиеся из своей страны. Они не хотят чувствовать себя людьми низшего сорта, не пригодными в глазах общества к конкуренции со сверстниками, и втягиваются в общую гонку. По их мнению, чего-то стоящим в науке становится человек, получивший хоть какую-то позицию на Западе, а остающийся в своей стране — «выпавшим из обоймы», не пригодным для настоящей жизни и науки. В этой связи памятно интервью академика А. Абрикосова, уехавшего в США, опубликованное несколько лет назад в «Известиях» и произведшее тогда (и сейчас) омерзительное впечатление своим цинизмом, прагматизмом и неблагодарностью. Весьма печально, что по существу по такой же шкале оценивают судьбу своей страны даже ее лидеры, отправляющие своих детей и внуков учиться и определять свое будущее за границу. Значит, так они видят перспективы своей страны и так уверены в ее недалеком возрождении.

Мне гораздо понятнее те немудрствующие молодые люди, которые не делают вид, что едут, чтобы реализовать свои гибнущие идеи, а просто стараются уехать в страну, где они смогут обеспечить свою семью и дать образование детям. Эта шкала ценностей чисто по-человечески

вполне понятна и противопоставить ей мне нечего, кроме сожаления о потере многих тысяч молодых людей, которые могли бы составить прочную профессиональную основу нашего научного сообщества. Такие люди обычно ведут себя вполне порядочно как до отъезда, так и после. Они стараются нанести как можно меньший ущерб своим отъездом и по возможности помочь своим коллегам после того, как устроятся в новой жизни.

Некоторые едут, чтобы реализовать свои проекты, требующие возможностей или контактов с людьми, не работающими здесь. В этом отношении Америка уникальная страна для быстрой реализации новых научных и технологических путей. Туда едут с этой целью ученые со всего мира.

Остаются в российской науке те, кто хочет работать в своем сообществе, в своем университете, в своей культуре, кто хочет думать, писать и учить на своем языке, работать по дорогим нам традициям. Как сказал мне один из молодых людей, сделавших выбор в пользу Пушина, — «мне здесь думается легче». Эти люди, конечно, опора в новой ситуации нашей науки, вокруг них создаются и развиваются очаги новой самостоятельной и устойчивой научной популяции. Лидеры этих групп — люди сильные в научном отношении, как правило, имеют самые лучшие международные гранты, такие как Howard Hughes или INTAS, Российские гранты (РФФИ), гранты Национальных приоритетов или Интеграции высшего образования и науки. Они обычно соросовские профессора или доценты, обладатели грантов Президента России. Эти группы — отнюдь не на грани выживания. Принадлежать к таким лидерам или их группам, пожалуй, не менее авторитетно, чем добиться приличного положения в американской или британской науке, причем при значительно большей самостоятельности, независимости и возможности персонального влияния в научной, общественной и педагогической сферах. Возможности международного общения у этих ученых ничем не ограничены — о решениях партбюро, выездных комиссий райкомов и министерств теперь помнят лишь ветераны, а остается лишь проблема грантов и взаимной заинтересованности. При этом участие в международных конференциях широко и почти без ограничений поддерживается специальным фондом РФФИ. Российские ученые, успешно работающие сейчас на Западе, имеют альтернативой именно эту группу лидеров, работающих в России.

Важные отличия ситуации в западной науке от нашей определяются сложившейся системой финансирования лабораторий. В современной западной науке штат научной группы лимитируется финансовыми возможностями, возможности — грантами, гранты — задачами и обязательствами заявленного проекта. Поэтому новый со-

трудник приходит в группу для решения заранее поставленной задачи, четко сформулированной, подготовленной методически и обеспеченной финансированием.

Российская же традиция, сложившаяся во времена университетской науки и перешедшая в советский и постсоветский периоды, — это определенная штатная структура кафедр или лабораторий, независимая от конкретной программы работ, выполняемой в настоящее время. Штат лаборатории постоянен, поэтому ее руководитель стремится сам и для себя выращивать квалифицированных специалистов, способных к решению нестандартных задач, поиску собственных путей для их решения и постановке новых задач. Официальное положение о постоянном статусе научного сотрудника, который можно изменить только при провале на очередном (неоткрытом) конкурсе на его же место, создавало практически абсолютную стабильность научного работника в любой позиции. На Западе и в США постоянное место (*tenure*) — высшая привилегия, получаемая в полной профессорской должности по жесткому конкурсу. Как правило, все позиции до *full professor* — контрактные, занимаемые по договору на определенный, 3-х или 5-летний период. Такой подход к формированию штата сотрудников обеспечивает конкретность, организованность и целенаправленный характер американской науки.

Как уже было сказано выше, для поисковой работы крайне необходима стабильная позиция исследователя. На пути раскрытия потенциала сотрудника, естественно, есть и тупики, и неудачи и бесплодные периоды. «Пресс продуктивности» не является у нас обязательным спутником сотрудника и его научная судьба определяется далеко не только продуктивностью. В этом существенное отличие нашей и американской традиций со всеми преимуществами и очевидными ее недостатками.

Немаловажное значение имеет и уходящая сейчас традиция, рассматривающая ученого как «учителя», по принципу «поэт в России больше, чем поэт». Вспомним легендарные семинары Л.Д. Ландау, П.Л. Капицы, И.М. Гельфанда и недавно ушедшего Д.С. Лихачева, влияние которого было много шире его научного вклада в древнерусскую литературу. Миссию «учителя» выполняют сегодня соросовские профессора и доценты, едущие с лекциями и семинарами во все города страны и встречающиеся с учителями и школьниками. Это замечательные и характерные черты российского научного сообщества, которые не должны заглухнуть.

Таковы притягательные особенности нашего научного сообщества. Но наука международна — она делается международным сообществом и ее результаты принадлежат в равной мере всем странам, хотя использовать их могут разные страны далеко не в равной мере. Вклад ученого оценивается как вклад в мировую науку, его на-

циональная принадлежность — не более, чем факт личной биографии, но не эволюции научного знания. Поэтому, если ученый получил подготовку в одной стране, а вклад сделал в другой — значит, обе страны способствовали прогрессу науки. И.И. Мечников, В.А. Хавкин, П.Л. Капица кембриджского периода, Ф.А. Гамов, Н.В. Тимофеев-Ресовский — далеко не единственные в этом ряду [6]. На Западе перемена ученым страны — скорее правило, чем исключение, в этом отношении весьма типичен пример Эйнштейна.

Если попытаться обобщить этические проблемы в современной российской науке, то мы бесспорно приходим к выводу, что разнообразие ситуаций, ценностей, противоположных смыслов и разных устремлений в сегодняшней жизни делает невозможным какой-то общий этический подход. Если исходить из интересов науки как высшей ценности, то следует признать, что выбор этической позиции едва ли не полностью зависит от конкретной ситуации, которая создает прецеденты, зачастую внешне противоположные. Прецеденты становятся важнее общих принципов, и нередко ситуация накладывается на здравый смысл и совесть. И здесь я хотел бы рассмотреть в качестве прецедентов ряд зачастую противоположных случаев.

Мое отношение к отъездам молодежи начало складываться к началу 90-х годов, когда перестройка открыла для нас выход в международную науку. Отпали все виды цензуры (институтской, академической, Главлит) для публикации за рубежом, были отменены ограничения в поездках за границу, в том числе решения партбюро, райкомовских комиссий, министерских отделов КГБ и, наконец, выездной комиссии ЦК КПСС. Открылся доступ к международным стипендиям, приглашениям, рабочим местам в зарубежных институтах и даже к временной работе за границей.

В это время я входил в комитет по стипендиям Элеоноры Рузвельт Всемирного противоракового союза, присуждающий годовые гранты молодым ученым для работы в ведущих лабораториях мира. Соответствующие конкурсы были впервые открыты для советских молодых исследователей, а ученый из СССР впервые вошел в состав комитета. Конечно, у меня было единственное желание — максимально способствовать присуждению стипендий нашим кандидатам. Обоюдное желание к открытости, к максимальному установлению контактов между нашей и западной наукой было очень сильным. Стипендия присуждалась на год, с возможным продолжением работы за границей, но с обязательным возвращением в страну. Из нашего института четверо способных молодых сотрудников в первых же конкурсах получили стипендии для работы в США.

Поездки бывших «невъездных» и молодежи стали частыми и регулярными, международные конференции у нас и приезд западных ученых с

семинарами и лекциями — обычным делом. Мы (старшие) при любой возможности устраивали поездки молодым сотрудникам, проблема возвращения даже не обсуждалась. Было ясно, что люди едут, чтобы заниматься теми научными вопросами, которые не удавалось решить здесь, или чтобы научиться методам, которые у нас не шли. Ехали наиболее подготовленные молодые сотрудники, с определенным кругом интересов в ранге старшего научного сотрудника, кандидата или доктора наук, т.е. цвет наших лабораторий.

Но через пару лет возникли новые проблемы, связанные с возвращением. Никто из стипендиатов не вернулся — стипендии и рабочие места продлевались или просто заменялись более длительной позицией. По той же схеме развивались события с сотрудниками, выехавшими за границу на рабочие места: работа—продление контракта—кратковременный приезд за семьей—эмиграция.

Вторую волну составили уже целенаправленные отъезды, без первоначально планируемой перспективы возвращения. Здесь уже действовала шкала оценки сотрудника по его способности устроиться на Западе. Уезжала молодежь разных рангов — от студентов и аспирантов до руководителей лабораторий и групп. В этот период и появилась та многозначность в оценке мотивов и действий, когда этическая позиция в отношении отъездов стала определяться сугубо конкретной ситуацией.

Прецедент 1. Молодой руководитель лаборатории, доктор биологических наук А. Г-в, высокоавторитетный в своем институте, где пользовался всеобщей симпатией и поддержкой. Рабочее место в США по своей проблематике, существенное расширение возможностей, успешная научная работа на временных условиях, а далее независимая позиция и собственная лаборатория. Через 5—8 лет первоклассные публикации в «Nature» и «Science», хотя с существенным изменением тематики. Сотрудничество с разными лабораториями с опорой не только на дело, но и на редкостные способности к *public relations*. Безусловный «выход на свои гены». Сохранение связей с собственным институтом.

При этом несомненная потеря для нашей науки исследователя международного класса, заведомо способного создать и развивать собственное научное направление, поддерживаемое лучшими отечественными и международными грантами, которое могло бы стать центром притяжения молодежи, основой для университетского преподавания и активного участия в соросовских образовательных программах. Вместо этого распавшаяся лаборатория в своем институте, частично перекочевавшая на Запад, частично рассеявшаяся в своей стране.

Как тут взвесить приобретения и утраты для самого ученого, для науки и научного сообщества? Казалось бы, что ответ очевиден, что резуль-

тат говорит сам за себя. Для меня этой очевидности нет.

Старший научный сотрудник А. Н-х, молодой человек яркого таланта и обаяния, сосредоточенный на решении интересующей его проблемы, рабочее место по этой проблеме в США. Успех его исследований столь очевиден и столь же очевидно, что таким он мог быть только в Штатах с их неограниченной молниеносной поддержкой. Сохранение контактов со своим институтом, хотя соответствующие работы в нем почти прекратились.

Аспирант Р. М-в, только что защитивший кандидатскую диссертацию. Еще будучи в аспирантуре по другой специальности, заинтересовался иммунологией. Столь глубокого интереса и острого проникновения в проблемы иммунитета я не встречал и у профессионалов. В России никто не работал в области, интересовавшей М-ва. Он поехал на стажировку по другой специальности в США, нашел там иммунолога, который был в мире едва ли не единственным в области, интересовавшей М-ва, и стал с ним работать. Через три года после отъезда публикации в «Cell» и «Nature», самостоятельная лаборатория и независимая позиция. Карьера (в хорошем смысле), возможная только в Штатах. Его отъезд из России ничего не обрушил, поскольку он не входил ни в какую структуру.

Что касается моего отношения к этим случаям, то я, хотя и очень сожалел по поводу отъезда талантливых ученых, но все же понимал целесообразность их работы в США, особенно для М-ва. Думаю, что при самых хороших грантах вряд ли они могли бы настолько полно реализовать себя в нынешней нашей обстановке и внести столь значительный вклад в науку. При этом я не хотел бы быть понятым так, что успех определяет и оправдывает позицию уехавшего независимо от того, что и как он оставил на родине. Здесь важно все — и мотивы решения, и оставленные собственные возможности, и характер успеха, и ущерб, наносимый отъездом, и стремление этот ущерб уменьшить или компенсировать.

Прецедент 2 — поиск подходящего места. Смена тематики, утрата своей позиции, потеря сотрудников, стремление адаптироваться к новым условиям и поскорее забыть оставленную жизнь. В этой ситуации чаще всего возникает конфликт с обязательствами перед людьми, делом, положением. Поскольку возможности устроиться или «зацепиться» часто возникают вне зависимости с основным делом и требуют быстрых решений, отъезжающие обычно готовы бросить все на полдороге, не доделав своей работы, нарушив грантовые обязательства, оставив аспирантуру, покинув сотрудников своей лаборатории или группы. Уехав и устроившись, эти люди готовы на тех же основаниях срывать с места своих бывших коллег или набирать молодежь,

если они им понадобятся. В моей области и даже собственной практике такие ситуации, к моему огорчению, тоже встречались.

Брошенные лаборатории, оставленные исследования, «бездомные» сотрудники и опустошенные институты — весьма типичная картина современной российской науки. К сожалению, в этот процесс включаются разные категории научных работников — от аспирантов до директоров институтов. Свою вполне весомую лепту вносят и ранее уехавшие сотрудники. Может быть они, образно говоря, спасают людей с тонущего корабля? А может сдергивают тех, кто пытается закрыть пробоины и удержать судно на плаву? Но такие моменты распада не исчерпывают всего положения российской науки — на фоне отчетливых негативных явлений прорисовываются очень крепкие острова выживания, создающие новый костяк нашего научного сообщества. И это «спасение» со стороны бывших соотечественников происходит на фоне серьезной помощи нашей науке, оказываемой международными научными организациями, такими как Howard Hughes, INTAS, Соросовский ISF и др., и направленной именно на поддержку науки в нашей стране, а не на стимуляцию отъездов. Не странная ли коллизия? Здесь я хотел бы с благодарностью отметить, что определяющую организационную роль по поддержке отечественной науки Соросовским фондом осуществляют наши бывшие соотечественники А. Д. Гольдфарб и В. Н. Сойфер, эмигрировавшие в США еще во времена преследования диссидентов. Причем вся их незаурядная активность направлена на содействие российской науке, а не на рекрутирование коллег в свои лаборатории.

Именно с фактами рекрутирования способной молодежи и подготовленных профессиональных исследователей в свои группы или в свои университеты связаны подлинно этические проблемы. Крепостного права нет, каждого можно приглашать и каждый сам может выбирать свою судьбу. Но почему-то даже в благополучные времена «переманивать» готовых сотрудников из других лабораторий считалось непорядочным. Особенно если лаборатория оказывалась в тяжелом положении.

В нынешней же ситуации каждый сотрудник в лаборатории или группе на счету, каждый является опорой для целого раздела проекта, и «выдергивание» из коллектива отдельного сотрудника не просто болезненно, но зачастую фатально. Как вести себя в такой ситуации «соблазнителью» и «соблазняемому»? Что здесь этически и что неэтически — приглашать или удерживать? Соглашаться или жертвовать своими интересами? Ответа, по крайней мере общего, здесь нет. Решения зависят от конкретной обстановки, от конкретных людей и их обстоятельств. Очевидно, что безболезненных решений

здесь нет, но также очевидно, что порядочные люди должны к ним стремиться с обеих сторон. «Зло неизбежно придет в мир, но пусть оно придет не через меня».

Таков неполный спектр этических позиций в сложной и неоднозначной ситуации отъезда ученых. И главное, конечно, не в том, как относиться к уехавшим и уезжающим, а в том, как способствовать нормальным условиям работы и жизни для тех, кто продолжает работать в своей стране.

Поддержка отечественной науки

Вполне очевидно, что главную поддержку фундаментальной науки должно оказывать государство. Как и чем преодолеть «куриный» кругозор власти сегодня и как объяснить ей, что теряет она самое ценное в стране? Но надежды здесь пока очень слабые. Пока же можно лишь опираться на собственные усилия при более чем скромной поддержке государства. Как удерживать науку от вырождения и распада? Кого и что поддерживать? Как остановить утечку умов? Позиция, в том числе этическая, определяется здесь системой ценностей, которой следует член экспертного совета финансирующего фонда или комитета, определяющего научную политику.

Ограниченность научного сообщества, работающего в стране, и положение, когда все всех знают и находятся с ними в каких-либо определенных взаимоотношениях, создают неизбежный конфликт интересов, который почти невозможно преодолеть. Здесь, конечно, имеют место этические проблемы, но проблемы простые, которые могут быть разрешены организационным путем. К организационным решениям относятся создание множества финансирующих фондов, ротация экспертных советов, сведение к минимуму распределительной системы, полная «прозрачность» деятельности. Конечно, и при такой системе неизбежен субъективизм, в большей мере диктуемый некими доминирующими в данное время модными точками зрения. Одна из таких точек зрения заключается в том, что государство не может обеспечить достаточное финансирование всего фронта исследовательских работ, а потому на основании экспертной оценки целесообразно выделить выдающиеся научные коллективы (институты, лаборатории или группы) и создать для них условия, оптимальные для работы и жизни. Те же коллективы, которые до самого высокого уровня не дотягивают, предлагается просто закрыть или во всяком случае не поддерживать из фондов фундаментальных исследований.

Согласно другой доминирующей точке зрения необходимо финансировать лишь наиболее актуальные для страны проблемы (в области медицины — СПИД, рак, кардиология) либо приоритетные направления, сформированные на основе экспертной оценки и, исходя из выбора приори-

тетов, создавать соответствующие программы и их финансировать.

Третья позиция — поддерживать молодых ученых с тем, чтобы прекратить отток научной молодежи из страны.

Наконец, предлагается сохранить научные школы, уникальную в настоящее время особенность российской науки — устойчивые научные коллективы, объединенные исследованиями собственного научного направления, имеющими богатый опыт работы в избранной области и готовящие молодых исследователей.

Выбор любой из этих позиций в качестве единственной или доминирующей очень опасен и заведомо ограничен. Так, в случае обеспечения улучшенных условий для выдающихся групп ослабляется возможность создания новых сильных коллективов и не получает развития сеть просто профессиональных лабораторий, без которых сильные группы существовать не могут.

Выбор приоритетов и их поддержка — это попытка руководить наукой, указывать ей, где и что надо делать. Это всегда приводило к посредственности и эпигонству при больших затратах.

Создание привилегий для молодежи в качестве главного направления также не приведет к успеху, ведь наука отбирает не фотомоделей и не бегунов, у нее свои критерии для профессионального исследователя, которые должны играть решающую роль.

И, наконец, ставка только на сложившиеся школы ведет к консерватизму и создает неблагоприятные условия для возникновения новых школ.

Эти очевидные ограничения сочетаются со столь же явными достоинствами каждого из рассмотренных подходов. Просто надо иметь в виду, что когда любой из них становится единственно верным, то он приобретает разрушительную силу.

К счастью, в сегодняшней российской науке все эти подходы реализуются, питаются из более или менее независимых источников, базируются на экспертизе и поддерживают разные стороны нашей науки (правда, поддержка еще крайне недостаточна). И эти разные принципы не следует объединять, концентрировать и направлять на «решающее звено»!

Таким образом, в области поддержки науки сосуществуют разные системы ценностей, что, конечно, может приводить к этическим коллизиям. Эти коллизии разрешаются по-разному, в зависимости от конкретных условий и позиции ученого, принимающего решения. Моя позиция — поддерживать все живое в науке, имеющее тенденцию к развитию, опирающееся на профессионализм и обусловленное подлинным интересом к предмету [7]. Формальные же показатели при этом, безусловно, важны, но сами по себе решают вопроса о поддержке науки. Так, экспертный совет РФФИ в течение ряда лет поддерживал исследования по генам семейства им-

муноглобулинов у низших рыб. Длительное время работа не давала четких результатов, но проблема была крайне интересной и нужной для понимания происхождения иммунитета и в конце концов был достигнут результат и подготовлены серьезные публикации. Экспертный совет, конечно, мог «зарезать» проект на дальних подступах по формальным причинам, но он этого не сделал.

Безусловно, положительным, хотя и прецедентом, является создание смешанных лабораторий Россия — США или Россия — Германия. Такие лаборатории пользуются всемерной поддержкой РФФИ и других финансирующих фондов. Точно так же, всемерной поддержкой пользуются международные проекты, в которых участвуют российские лаборатории.

В области международных проектов и грантов непонимание и отрицательное отношение вызывают так называемые конверсионные гранты, присуждаемые проектам, участники которых ранее занимались закрытой и даже запрещенной международными актами тематикой. Причем эти гранты на порядок больше грантов по фундаментальной науке. От чего может быть конверсия в биологии, надо ли объяснять? И нормально ли создавать привилегированное положение тем, кто такой тематикой занимался?

Но даже здесь есть положительные со всех точек зрения решения. Так, недавно был описан случай, когда некто Шустер, бывший успешный молекулярный биолог, организовал на базе

прежнего завода бактериального и химического оружия производство современных противораковых препаратов [8].

Конечно, следует учитывать все аспекты, содержащиеся в разбираемых проектах. Очевидно, что этические позиции при принятии решений во всех случаях конкурсного отбора проектов очень конкретны и персонализированы. В этом и заключается главная особенность современного состояния нашей науки. И этические нормы в сегодняшней сложной и противоречивой жизни науки находится среди главных факторов, определяющих ее дальнейшую судьбу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савельева О.О. Вестник РАН, 1998, т. 68, № 6, с. 535—539.
2. Абелева Э.А., Абелев Г.И. Химия и жизнь, 1985, № 2, с. 3—8.
3. Родоман Б. Здравый смысл, 1999, № 11, с. 45—53; 1999, № 12, с. 29—37.
4. Абелев Г.И. Химия и жизнь, 1998, № 9—10, с. 14—17.
5. Международная поддержка российской науки и высшей школы. М.: Наука, 1995.
6. Русское зарубежье. Биографический энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 1997.
7. Абелев Г. И. Обзор отчетов по проектам РФФИ 1997г. Вестник РФФИ, 1998, № 2, с. 6—15.
8. Рак по расчету. Деньги, 24.11.1999, с. 27—29.